

— Хе-хе, — засмеялся отец Бай, но, увидев строгий взгляд отца, его смех тут же стих. — Вы точно не догадаетесь, тот самый Цзян, на которого вы возлагали надежды, тоже оказался таким же импульсивным, как Шаофэн. Он избил сына губернатора провинции Г.

— Хм, — на лице генерала Бая появилась редкая улыбка. — Все еще ребенок. Ты разберись с этим делом.

— Конечно, конечно! — отец Бай поспешно согласился, чуть не подавившись цзяоцзы.

— Боже мой, у отца на лице... улыбка?! Черт, он к посторонним относится лучше, чем к собственному внуку, это просто несправедливо!

Генерал Бай внутренне удовлетворенно улыбнулся: он так и знал, что в тот день, когда он разговаривал с Цзян Мэнлинем, тот заранее подготовился. Теперь видно, что он все еще ребенок, и его поражение в той шахматной партии не было случайным — он ведь играл без подготовки.

Конечно, он намеренно забыл, что изучал эту партию уже долгое время.

Цзян Фанчжоу, хмурясь, держал руль, его глаза были прикованы к дорожным знакам. Кондиционер в машине был включен на полную мощность, и смесь запахов духов и кожи была неприятной. Лю Я, сидевшая на пассажирском сиденье, приоткрыла окно.

Цзян Фанчжоу с недовольством посмотрел на нее:

— Что ты делаешь? Холодно.

Лю Я осторожно закрыла окно:

— Нет, просто мне стало немного дурно...

Цзян Фанчжоу стал еще более недовольным:

— Тогда почему ты не приняла таблетки от укачивания перед поездкой?! А если тебя вырвет? Убирать в машине неудобно!

Лю Я украдкой взглянула на сына, сидевшего сзади, и, смутившись, опустила глаза на колени. На самом деле она не чувствовала тошноты, просто беспокоилась о сыне, но возражать Цзян Фанчжоу сейчас означало бы спровоцировать ссору.

Вспомнив дни до свадьбы, когда они были полны любви, Лю Я с горечью подумала, что тогда Цзян Фанчжоу был готов на все ради нее. Она и раньше чувствовала себя плохо в машине, но тогда он больше всего беспокоился о ее комфорте, а не говорил такие грубые слова. Сжав губы, она смотрела в окно, сдерживая слезы.

Лю Лиян, слушая, как его мать ругают, недовольно сказал:

— Дядя Цзян, ведь Новый год на носу, зачем так резко разговаривать?

Слова сына взорвали всю накопившуюся злобу Цзян Фанчжоу. Он резко ударил по рулю, машина заскрипела тормозами и остановилась на обочине.

Лю Я испугалась, быстро повернулась, чтобы закрыть рот сыну, но Лю Лиян оттолкнул ее. Он уже был недоволен с тех пор, как ему урезали карманные деньги. Сколько раз он сладкоречиво

называл Цзян Фанчжоу дядей, но, как оказалось, приемные дети никогда не сравнятся с родными. В сложной ситуации это стало очевидно.

Он холодно посмотрел на Цзян Фанчжоу:

«Ничего особенного, просто выскочка...»

Цзян Фанчжоу холодно сказал:

— Что ты имеешь в виду? В Новый год хочешь, чтобы я тебя отшлепал? Ты не знаешь, как уважать старших? Мать тебя не научила нормально разговаривать?!

Лю Лиян был шокирован. Раньше, как бы Цзян Фанчжоу ни обращался с Ли Юэлин, он никогда не говорил таких грубых слов. Что сегодня случилось?

Но Лю Лиян не из тех, кто молча сносит обиды. Он никогда в жизни не получал таких наставлений, поэтому резко ударил по спинке сиденья:

— Что ты имеешь в виду?! Что я такого сделал, чтобы ты меня шлепал? Я не уважаю старших? А Цзян Мэнлинь тебя уважал? Почему ты его не ругал?!

Если бы Лю Лиян не упомянул его, Цзян Фанчжоу, возможно, не разозлился бы еще больше.

Он был уверен, что, если бы Лю Лиян не вмешался, Цзян Мэнлинь не ушел бы так быстро. Он знал своего сына — все это было из-за этих двоих!

Цзян Фанчжоу тяжело дышал, его злость росла, а взгляд, полный ненависти, напугал Лю Я, которая, свернувшись в кресле, тихо плакала.

Когда-то она и представить себе не могла, что, выйдя замуж за человека, которого считала своей судьбой, она окажется в такой жизни.

Плач Лю Я немного охладил пыл двух мужчин. Цзян Фанчжоу взглянул на нее и нахмурился:

— Что за нытье?! Новый год на носу...

Хотя в его голосе все еще звучала злость, напряженная атмосфера немного улеглась.

Лю Лиян тоже недовольно фыркнул, отвернулся к окну и больше ни с кем не разговаривал.

Казалось, что с тех пор, как они встретили Цзян Мэнлиня, все пошло наперекосяк. Этот Цзян Мэнлинь действительно был несчастьем, куда бы он ни пошел, он всегда вступал с ним в конфликт!

Вспомнив свои урезанные карманные деньги, Лю Лиян уже представлял, как его друзья в Имперской столице смотрят на него с презрением. Сжав кулаки, он злобно подумал:

«Цзян Мэнлинь... однажды я тебе отомщу!»

Плач Лю Я подействовал, и, немного поплавав, она остановилась после резкого окрика Цзян Фанчжоу.

Снова заведя машину, Цзян Фанчжоу недовольно посмотрел на Лю Я и сына, холодно сказав:

— Когда приедем домой, ведите себя прилично перед родителями! Они с трудом согласились, чтобы я приехал на Новый год, и все родственники будут там. Я еще не сказал им, что вы приедете, так что не позорьте меня, иначе больше не показывайтесь в городке.

— И ты! — Цзян Фанчжоу добавил, обращаясь к Лю Лияну. — Когда увидишь бабушку и дедушку, держи себя в руках, они с тобой церемониться не будут.

Смысл был ясен — Лю Лиян, как чужак в семье Цзян, должен был знать свое место.

Лю Лиян, конечно, понял это, холодно фыркнул, но согласился.

Лю Я, опустив голову, с красными и влажными глазами, продолжала тихо всхлипывать. Она чувствовала себя неуверенно. На их свадьбе родители Цзян Фанчжоу специально приехали, чтобы проклясть ее. Лю Я, конечно, испытывала к ним обиду, но что она могла поделать?

Она любила Цзян Фанчжоу и надеялась, что однажды будет похоронена в фамильном склепе Цзян. Все это решалось его родителями.

Кроме того, отношения между ней и Цзян Фанчжоу уже дали трещину, и, если она не постарается завоевать расположение его родителей, ее жизнь в семье Цзян станет еще тяжелее. Лю Я, с детства приученная преодолевать трудности, не хотела прятаться. Она думала о том, как исправить ситуацию, а не жалеть себя в одиночестве.

Вспомнив недавний визит в город, где она приятно провела время с несколькими родственницами, в глазах Лю Я появился расчетливый блеск.

С ее умением она однажды добьется своего!

Когда Цзян Мэнлинь прибыл в старый дом в городке R, все родственники собрались в главном зале, чтобы готовить цзяоцзы.

В некоторых местах провинции Z обычаи были схожи с северными, например, на Новый год все собирались вместе, чтобы лепить цзяоцзы, ходить в гости, играть в карты или маджонг. Как только наступал декабрь, в каждом доме начиналось оживление.

Цзян Мэнлинь, неся множество подарков, громко крикнул:

— Дедушка! Бабушка! Я вернулся!!

Обсуждения в доме на мгновение стихли, а затем раздался крик бабушки Цзян, и из двери выбежала пожилая женщина с округлой фигурой.

Бабушка Цзян с радостью смотрела на долгожданного внука, едва сдерживая слезы. Она даже не представляла, как переживала после развода сына, потеряв внука.

Она плакала три раза в день, сначала хотела позвонить ему, но чувствовала себя слишком виноватой перед ребенком и не могла набраться смелости. Бабушка Цзян плакала днем и ночью, бормоча, что готова умереть, лишь бы еще раз увидеть внука.

Дедушка Цзян тоже переживал из-за этого. Он тоже скучал по внуку, но, как и его жена, боялся звонить, опасаясь, что ребенок будет их упрекать.

Ситуация улучшилась только после того, как Цзян Мэнлинь переехал в Имперскую столицу и начал звонить, чтобы сообщить, что с ним все в порядке.

<http://bllate.org/book/16657/1526696>